

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Алтухова Ольга Игоревна

**Роль и место концепта ТЕХТ как источника концептуальных метафор
в англоязычной поэтической картине мира**

10.02.04. – Германские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2022

Работа выполнена на кафедре английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: **Задорнова Велта Яновна**
доктор филологических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Борисова Елена Борисовна**
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры английской филологии и
межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО
«Самарский государственный социально-
педагогический университет»

Зыкова Ирина Владимировна
доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора
теоретического языкознания отдела
теоретического и прикладного языкознания
Института языкознания РАН

Темнова Елена Владимировна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры английского языка № 2 ФГБОУ ВО
«Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской
Федерации»

Защита диссертации состоится «22» июня 2022 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета МГУ.10.07 при ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ), филологический факультет, ауд. 605. E-mail: sovet@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д.27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/456860272/>

Автореферат разослан " ____ " _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Лебедева И.Л.

Реферируемое диссертационное исследование посвящено функционированию концепта ТЕХТ в качестве источника метафор в англоязычной поэзии. Выбор предмета исследования обусловлен исключительной ролью текста в гуманитарных науках XX-XXI вв. — языкознании, литературоведении, культурологии, семиотике. Выходя за пределы собственно лингвистического представления о тексте как связной последовательности вербальных знаков, ТЕХТ начинает включать в себя невербальные феномены, а также рассматриваться как модель культуры или даже человека¹. Однако задолго до формирования таких научных направлений, как постмодернизм или постструктурализм, текст играл ключевую роль в европейской культуре, логоцентричной по своей сути. Высокая значимость текста, не сводящаяся к сфере практического использования, делает целесообразным рассмотрение суммы представлений о нем как концепте, репрезентируемом языковыми средствами.

Термин «концепт» в современном языкознании является неоднозначным. В то время как в англоязычных работах он, как правило, не нуждается в уточнении, являясь этимологически синонимичным термину «понятие», в русскоязычной традиции соотношение и трактовка этих терминов на протяжении XX в. неоднократно трансформировались². Для большинства русскоязычных научных школ характерно определение концепта как ментального образования, включающего в себя культурно-специфические представления, нормы и установки, и связывающего пространство культуры с пространством языка благодаря своей способности быть вербализованным³. В работе принимается следующее рабочее определение концепта: это когнитивная структура, содержащая совокупность культурно значимой информации о некотором предмете или явлении, которая может быть вербализована и метафорически переосмыслена. Рассмотренный с этих позиций концепт ТЕХТ включает в себя знание о видах текстов (форме, содержании и материальном носителе), способах их создания, восприятия и хранения, а также представление о культурной и исторической роли текста. Обращение к данному концепту позволяет выявить не только языковые механизмы формирования образов, составной частью которых являются лексические единицы, принадлежащие семантическому полю «текста» в английском языке, но и стоящие за ними когнитивные структуры.

Как и другие значимые культурные явления, концепт ТЕХТ получил выражение в образной системе европейских языков, в том числе английского языка. Наряду с концептуальной картиной мира, которой принадлежит концепт ТЕХТ и языковой картиной мира, составляемой значениями вербализующих его лексем, может выделяться поэтическая картина мира⁴. В ее основе лежит иерархия концептов и концептуальных метафор, выстраиваемая на основе творчества одного автора или — в более широком понимании, представленном в данном исследовании и определившем выбор его объекта — совокупности поэтических произведений, формирующих

¹ См., например, Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера. — СПб.: «Искусство—СПБ», 2000. — С. 12-148; а также ироническую отсылку к этому подходу в романе М. Брэбери Doctor Criminale: Criminale was the text, and I was the decoder. He was an author, and I was a reader.

² Ср.: Соломоник А. Семиотика и лингвистика / А. Б. Соломоник. — М.: Молодая гвардия, 1995. — 345 с.; и противоположный взгляд в: Залевская, А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А. А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина; ВГУ. — Воронеж, 2001. — С. 36-44.

³ См., напр., Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — М.: Гнозис, 2003. — 375 с.

⁴ Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира в когнитивном аспекте / Ж. Н. Маслова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poeticheskaya-kartina-mira-v-kognitivnom-aspekte> (Дата обращения: 19.09.2019); Маслова Ж.Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке / Дисс. докт. филол. наук. Тамбов, 2011. — 367 с.

литературную традицию определенного языка.

Актуальность исследования обусловлена исключительной ролью текста как важного культурного феномена, его многоаспектностью и применимостью к разным сферам человеческой деятельности — в том числе деятельности языковой — и определяется возрастающим интересом к структуре и функционированию текстов. Рассмотрение концепта ТЕХТ как источника метафор дает возможность уточнить его роль и место в англоязычной поэтической картине мира. Основы анализа метафор в художественных текстах с позиций когнитивной лингвистики были заложены Дж. Лакоффом и его последователями. Однако, диахронические исследования в данной области редки, исключением являются некоторые работы отечественных ученых, использующих собственную методологию и терминологический аппарат, отличающиеся от зарубежных⁵. Анализ представлений о «тексте», проводимый в рамках когнитивной лингвистики и когнитивной поэтики как ее разновидности, позволяет рассмотреть понятие «текста» в новом свете.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении спектра когнитивных исследований, выявлении ранее не отмечавшихся закономерностей формирования концептуальных метафор, становящемся возможным благодаря диахроническому анализу. Исследование вносит вклад в когнитивную поэтику, расширяя существующие представления об эволюции концептуальных метафор, их взаимосвязи, механизмах развития и угасания. Прослежено соотношение традиционного и индивидуально-авторского применительно к истории отдельных метафор.

Научная новизна диссертации связана с тем, что концепт ТЕХТ ранее не становился объектом исследования (в том числе диахронического) в когнитивной поэтике, несмотря на интерес со стороны философов, культурологов, лингвистов и литературоведов. Выделен ряд концептуальных метафор с областью источника ТЕХТ, ранее не рассматривавшихся в подобном формате. Впервые исследуется переход образных аналогий, включающих концепт ТЕХТ, из традиционной в песенную и любительскую поэзию. Новым является и рассмотрение специально выделенной группы слотов в рамках изучаемых метафор, развитие которых прослеживается отдельно: это блок «автор-текст-читатель», то есть участники «речевого акта», в ходе которого рождается или воспринимается метафорический «текст», и материальный носитель «текста».

Практическая ценность данного исследования заключается в возможности применения его результатов при разработке и преподавании курсов по стилистике английского языка, лингвопоэтике, лингвострановедению и лингвокультурологии. Его материалы могут использоваться для проведения практических занятий по интерпретации художественных текстов, а также при составлении корпусов, баз данных и словарей. Сделанные в процессе исследования выводы могут послужить основой лекционного курса или учебного пособия.

Наиболее важным направлением для разработки общей концепции работы и методов анализа материала явилась теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона, впервые предложивших рассматривать процесс мышления как метафорический по своей сути, а метафоры, существующие в языке и зафиксированные в словарях в качестве переносных значений слов, — как отражение соответствующих концептуальных связей между объектом метафоризации («областью цели»,

⁵ См., напр.: Павлович Н. В. Язык образов: Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н. В. Павлович. – М.: ИРЯ РАН, 1995. – 491 с.; Матвеева А. С. Парадигмы поэтических образов в диахроническом аспекте: на материале англоязычной поэзии: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Матвеева Анна Сергеевна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2011. – 220 с.

target domain) и ее источником (или «областью источника», source domain). Соответствие между областью цели и областью источника устанавливается благодаря соотнесению объединенных в упорядоченное целое ячеек знания, или «слотов» (slots)⁶. Понимаемая таким образом метафорическая аналогия, получившая название «концептуальная метафора» (conceptual metaphor / metaphoric concept), выходит за рамки традиционного представления о метафоре как о стилистическом приеме, реализуемом исключительно на уровне языка. Это позволяет рассматривать метафору не как часть отдельного текста, а как часть поэтической картины мира.

В целом **теоретической базой исследования** послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области: 1) когнитивной лингвистики: Дж. Лакоффа, М. Джонсона, М. Тернера, Ж. Фоконье, З. Кевечеша, Р. Лангакера, Ч. Форсвиля, А. Ричардса, М. Блэка, П. Стоквелла, А. Вежбицкой, Е.С. Кубряковой, В.И. Заботкиной, В.И. Карасика, И.А. Стернина, Ж.Н. Масловой и др.; 2) когнитивной поэтики как активно развивающейся области когнитивных исследований: Дж. Гэвинса, Дж. Стина, П. Стоквелла, Р. Тсура; 3) культурологии: М.М. Бахтина, А.Я. Гуревича, Ю.Н. Караулова, В.Г. Костомарова, Д.С. Лихачева, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, Ю.С. Степанова, В.В. Красных и др.; 3) стилистики, поэтики и лингвопоэтики: О.Н. Ахмановой, А.Н. Веселовского, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, В.Я. Задорновой, А.А. Липгарта, Н.В. Павлович, Дж. Лича и др.; 4) источниковедения и библеистики: Д. Нортон, Г. Хэмлина, Д. Кресси, С. Крамера, Ж. Ле Гоффа, В.В. Емельянова и др.; а также 5) теории словесности и медиа: М. Маклюэна, Л. Финке и др.

Объектом исследования являются поэтические произведения английских и американских авторов XVI-XXI вв. **Предметом** исследования является функционирование концепта ТЕХТ как источника концептуальных метафор в англоязычной поэзии.

Основной **целью** настоящего исследования является выявление закономерностей формирования, развития, взаимодействия и вербализации концептуальных метафор, объединенных общей областью источника ТЕХТ в англоязычной поэзии. В связи с этим представляется необходимым решить несколько конкретных **задач**:

1. выделить наиболее частотные концептуальные метафоры, связанные с областью источника ТЕХТ;
2. определить наиболее распространенные варианты их языковой реализации;
3. установить наиболее вероятные источники изучаемых метафор и проследить постепенное оформление узнаваемой структуры и языкового выражения для каждой;
4. рассмотреть диахронически каждую из исследуемых метафор вплоть до настоящего времени, выделить ключевые механизмы их усложнения, переосмысления и индивидуализации и проанализировать взаимоотношения между компонентами (слотами) концептуальной схемы метафоры;
5. определить влияние исторического и культурного контекста на реализацию рассматриваемых метафор в отдельные эпохи;
6. выявить возможную взаимосвязь и взаимопроникновение как метафор, основных для данной работы, так и иных культурно значимых концептуальных метафор;
7. сравнить реализации концептуальных метафор с областью источника ТЕХТ в

⁶ Lakoff G. *Metaphors We Live By*. / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

традиционной (профессиональной письменной), песенной и любительской поэзии.

Для достижения цели и решения поставленных задач использовались следующие методы исследования: лингвостилистический и лингвопоэтический анализ; анализ в рамках теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа; этимологический анализ используемой лексики; корпусные методы анализа.

Материал исследования составили стихотворные произведения английских и американских поэтов XVI – XX веков, доступные в различных источниках: собраниях сочинений, отдельных сборниках и антологиях, а также представленные в виде интернет-ресурсов. Были проанализированы тексты наиболее значимых авторов разных эпох, в том числе Уильяма Шекспира (1564–1616), Уильяма Вордсворта (1770–1850), Сэмюэла Тейлора Кольриджа (1772–1834), Александра Поупа (1688–1744), Джона Драйдена (1631–1700), Джона Мильтона (1608–1674), Джорджа Гордона Байрона (1788–1824), Перси Биши Шелли (1792–1822), Джона Китса (1795–1821), Альфреда Теннисона (1809–1892), Роберта Браунинга (1812–1889), Уильяма Батлера Йейтса (1865–1939); Уолта Уитмена (1819–1892), Эмили Дикинсон (1830–1886), Томаса Стернза Элиота (1888–1965) и др. В качестве дополнительного материала, необходимого для анализа литературной и языковой преемственности, привлекались среднеанглийские тексты XIII–XIV веков, средневековые латинские труды, фольклорные произведения XIX–XX веков и стихотворения современных непрофессиональных авторов, в том числе тексты песен, принадлежащие массовой культуре. Кроме того, был рассмотрен наиболее влиятельный перевод Библии, известный как Библия короля Иакова (1611) в сопоставлении с несколькими менее известными, однако имеющими историческое значение переводами.

Апробация работы. Результаты исследования были представлены в докладах, сделанных на следующих конференциях: XXII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Ломоносов-2015", Международной научной конференции Metaphor Festival, проходившей в 2016 году в Амстердаме, XXIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Ломоносов – 2017".

Положения, выносимые на защиту:

1. Решающую роль в формировании и сохранении концептуальных метафор с областью источника ТЕХТ в англоязычной поэзии играет религиозная традиция. Первые примеры обращения к рассматриваемым метафорам обнаруживаются в религиозных текстах: для европейских культур это в первую очередь Библия, однако сходные контексты обнаруживаются и в древних мифологических (ближневосточных) текстах. Как следствие, религиозные коннотации становятся фактически обязательными в процессе развития изучаемых метафор и могут сохраняться до нашего времени.

2. С переходом метафор в светскую словесность религиозные коннотации постепенно трансформируются: ослабевают, исчезают или приводят к формированию дополнительных, в том числе полемических по отношению к религиозной традиции, смысловых оттенков. Такое направление развития совпадает с процессом секуляризации общества в целом.

3. Наиболее устойчивой из всех изученных концептуальных метафор с областью источника ТЕХТ оказалась метафора NATURE IS A TEXT (ПРИРОДА = ТЕКСТ), сохранившая свой потенциал и в поэзии XIX — XX веков. Самая древняя метафора LIFE AS A DIVINE GIFT IS A TEXT (ЖИЗНЬ / СУДЬБА КАК БОЖЕСТВЕННЫЙ ДАР = ТЕКСТ), имевшая наибольшее

распространение в XVI–XVIII веках, в XIX–XX веках исчерпывает себя. Производная от нее метафора LIFE OF AN INDIVIDUAL MAN IS A TEXT (ЖИЗНЬ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА = ТЕКСТ), не являясь доминирующей, имеет меньшее распространение, чем вышеупомянутые две метафоры. Метафора HUMAN BEING IS A TEXT (ЧЕЛОВЕК = ТЕКСТ) претерпевает изменения в области цели — постепенный переход от внешности к внутреннему миру. Метафора LOVE IS A TEXT (ЛЮБОВЬ = ТЕКСТ) более характерна для любительской и песенной поэзии, чем для поэзии, входящей в литературный канон. Для большинства метафор выделяется период максимального развития всех выразительных возможностей, за которым следует постепенная утрата продуктивности.

4. Помимо снижения роли религии в обществе, на эволюцию рассматриваемых концептуальных метафор влияют такие факторы, как историческая обстановка, включающая изменение общественных практик, в первую очередь образовательных, и развитие материальной культуры (появление новых способов передачи информации — изобретение книгопечатания в XVI в.; новых технологий и материальных носителей текста в XX–XXI вв.).

5. При взгляде на метафоры с областью источника TEXT с точки зрения поэтического «акта коммуникации» обнаруживается, что, если на ранних этапах автором «текста» был Бог, а читателем — человек, впоследствии роли начинают меняться. Человек может оказаться автором собственной судьбы, в то время как Бог в определенных контекстах становится читателем. В роли авторов также могут выступать аллегорические фигуры и природные объекты.

6. Сохраняющиеся на протяжении длительного времени концептуальные метафоры, зафиксированные в культурно значимых религиозных и светских текстах, ассимилируются массовой культурой (песенные тексты) и активно используются поэтами-любителями. В то время как в профессиональной авторской словесности, ориентированной на новаторство, традиционные метафоры постепенно утрачивают продуктивность, в песенной и любительской поэзии происходит обратный процесс: популярность метафор способствует их еще более активному использованию и разработке. При этом, как и в профессиональной литературе, происходит модификация языкового выражения за счет привлечения новых реалий; концептуальная структура, как правило, остается нетронутой, обеспечивая узнаваемость метафор.

7. Чаще всего рассматриваемые концептуальные метафоры вербализуются с помощью лексемы book, хотя в поэзии XVI–XVII вв. возможны лексемы scroll и roll, указывающие на религиозную окраску поэтического текста. На лексико-грамматическом уровне обнаруживаются такие метафорические сочетания с предлогом of, как book of life / fate / time / honour / love; scroll of life, roll of common men. Наряду с ними употребляется притяжательный падеж (Nature's book). Начиная с XIX века детализация области источника может сопровождаться бытовой и терминологической лексикой (the pocket-book of Fate; a double page in the book of fame). В песенной поэзии языковое выражение рассматриваемых концептуальных метафор характеризуется наличием мертвых метафор и фразеологизмов, иногда подвергающихся обыгрыванию и деформации.

Структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, восьми глав, Списка использованной литературы, Заключения и трех Приложений.

Во **Введении** формулируются цели и задачи диссертации, обосновывается выбор темы, объясняются его научная новизна, актуальность, теоретическая и практическая значимость.

В **Главе 1 «Теоретические основы исследования»** рассматриваются основные понятия, используемые в данной работе, и существующие подходы к изучению метафор. В **разделе 1.1 «Определение ключевых понятий»** разграничиваются «концепт» и «понятие» и подробно рассматриваются разные взгляды на использование данных терминов. В русскоязычной литературе термин «концепт» начинает употребляться с середины XX века, первоначально конкурируя с другими терминами («лингвокультурема», «логоэпистема», «мифологема»). Окончательный выбор термина «концепт» предположительно обусловлен влиянием англоязычной науки, в середине XX в. осуществившей так называемую «когнитивную революцию» - последовательное обращение к механизмам познания, находящим свое отражение в языке.

Упорядоченная совокупность концептов, характерных для определенной культуры и определяющих мышление ее носителей, получила название **«концептуальной картины мира»** (в лингвокультурологии также известной как **«понятийная»**, или **«культурная картина мира»**). Концептуальная картина мира противопоставляется языковой, представляющей из себя зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива модель восприятия действительности. Применение лингвокогнитивных методов к художественным текстам позволяет выделить поэтическую картину мира: совокупность концептуальных структур (в том числе концептуальных метафор) и механизмов создания образов, типичных для поэтического творчества.

В **разделе 1.2 «Преимственность исследовательских методов и подходов к изучению метафоры»** рассматриваются основные этапы в изучении метафоры. На протяжении всей истории изучения метафоры доминировала так называемая позитивистская модель, восходящая еще к Аристотелю и постулировавшая принадлежность метафоры исключительно языковому уровню. Несмотря на параллельное существование других подходов (например, философско-семантической концепции Гермогена из Тарса во II-III вв.н.э., а позже — теорий Дж. Вико, Ж.-Ж. Руссо, А.В. Шлегеля и др.), представление о метафоре как о тропе, не связанном непосредственно с механизмами мышления и познания, преобладало вплоть до первой половины XX в. Смена парадигмы наиболее ярко обозначилась в работах А. Ричардса⁷ (1893-1979) и М. Блэка⁸ (1909-1988). Продолжая рассматривать метафору с позиций риторики, А. Ричардс тем не менее отмечает ее способность структурировать восприятие мира. М. Блэк развивает идею метафоры как концептуальной структуры, утверждая, что ее сущность заключается в создании нового взгляда на объект сквозь концептуальный «фильтр» другого понятия. Наконец, с начала 1980-х годов нетрадиционная концепция метафоры как когнитивного феномена достигает пика своего развития в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Введенный ими термин «концептуальная метафора» (также «метафорический концепт») предполагает осмысление одного явления (области цели) с помощью характеристик другого (области источника). Подобная структура существует в первую очередь на уровне сознания и определяет познавательный процесс, поэтому в равной степени способна получать выражение как в обыденной, так и в художественной речи. Теория Дж. Лакоффа представляет собой наиболее последовательную реализацию модели метафоры, при которой на первый план выходят не языковые средства, осуществляющие функцию художественной выразительности, а процессы осмысления реальности, определяющие выбор этих

⁷ Ричардс А. Философия риторики / А. Ричардс // Теория метафоры: сборник. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44–67.

⁸ Блэк М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры: сборник. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153–172.

средств.

С конца XX века начинает формироваться когнитивная поэтика — направление, основанное на применении методов концептуального анализа образных структур к словесно-художественному творчеству. Дж. Лакофф и М. Тернер выделили основные принципы видоизменения метафоры в поэзии: расширение метафорической схемы (extension), усложнение существующей схемы нетрадиционными элементами (elaboration), отрицание самого устоявшегося механизма переноса (questioning) и объединение нескольких концептуальных схем (composing)⁹. Выявление этих механизмов в поэтических текстах позволяет рассматривать авторский художественный образ как результат переработки традиционной метафорической структуры с помощью одной или нескольких трансформаций. Это делает правомерным использование теории концептуальной метафоры при изучении поэтической картины мира в широком смысле — как иерархии концептов, общей для большинства авторов в определенный исторический момент. Сопоставление таких «синхронных срезов» и выявление общих и отличающихся характеристик позволяет говорить об эволюции поэтической картины мира конкретной лингвокультуры.

В разделе 1.3 «Описание методики выделения концепта TEXT в англоязычной поэзии» описывается процедура выбора материала для анализа и приводится список использованных цифровых и справочных ресурсов с указанием их роли на предварительном этапе работы. Для целей компьютерного поиска по базам данных и цифровым изданиям был составлен список соответствующих лексем-индикаторов (ключевых слов), характерных для вербализации концепта TEXT в английском языке: (существительные) Bible, book, catalogue, chapter, copy, epistle, language, legend, letter, line, page, publication, reference, roll, scripture, scroll, selection, speech, tale, text, title, transition, verse, word; (глаголы) blot (out), print, read, write. В качестве инструмента для решения этой задачи (составления списка) применялась компьютерная база данных WordNet. Дополнительно список ключевых слов был проверен с помощью программы SketchEngine. Было установлено, что лексем, выделенные с помощью компьютерных программ, являясь дистрибутивными синонимами, ассимилированными с лексемой text, образуют семантическое/концептуальное поле текста в английском языке. Концепт TEXT вербализуется в англоязычной поэзии в основном с помощью данной группы лексем.

В результате группировки сходных по структуре и языковому выражению примеров были выделены четыре основные метафоры с областью источника TEXT, получившие распространение в англоязычной поэтической традиции: LIFE AS A DIVINE GIFT IS A TEXT, LIFE OF AN INDIVIDUAL PERSON IS A TEXT, HUMAN BEING IS A TEXT, NATURE IS A TEXT.

В Главе 2 «Место и роль божественной 'книги жизни' в англоязычной поэзии» рассматривается эволюция концептуальной метафоры LIFE AS A DIVINE GIFT IS A TEXT на протяжении XVI-XX веков.

Раздел 2.1 «Роль Библии в возникновении концептуальной метафоры LIFE AS A DIVINE GIFT IS A TEXT» посвящен рассмотрению источников и возможных прототипов этой концептуальной метафоры. Наиболее древние примеры обнаруживаются в ближневосточной мифологии, где зародился образ сакральной «таблицы судеб» (XVIII-XX вв. до н.э.).

⁹ Lakoff G. More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago: University of Chicago Press, 1989.

Соответствующий мотив возникает в древнегреческой (V в. до н.э.) и древнеримской (III-II вв. до н.э.) литературе. Тем не менее, несмотря на значимость античной литературы, наиболее авторитетным источником метафоры в англоязычной традиции является Библия. До выхода Библии короля Иакова (1611 г.) на протяжении всего XVI в., а частично и в XVII в., в употреблении находились другие переводы: Большая Библия (1539-1541 гг.), Женевская Библия (после 1560 г.), Епископская Библия (после 1568 г.). Важную роль сыграл также молитвенник (Book of Common Prayer), обеспечивавший регулярное воспроизведение библейских текстов во время богослужения и, соответственно, знакомявший прихожан с христианской образностью и типичными для нее метафорами.

Рассматриваемая метафора наиболее отчетливо представлена в Псалтири, фрагменты которой составляли большую часть англиканского молитвенника, а также в Откровении Иоанна Богослова: *in the volume of the booke it is written of me* (Пс. 40:7-8), *whose names are not written in the book of life of the Lamb* (Откр. 13:8), *and the books were opened: and another book was opened, which is [the book] of life: and the dead were judged out of those things which were written in the books* (Откр. 20:12). Чаще всего метафора вербализуется посредством конструкции с предлогом *of* или с притяжательным местоимением (*book of life, my / thy book*), намного реже используется притяжательный падеж (*Lamb's book of life*). Интерпретация метафоры осложняется синкретизмом библейского текста, затрудняющим разграничение нескольких понятийных областей: например, «судьбы», «жизни» как физического существования и духовного бытия или жизни вечной. Однако независимо от теологического толкования библейские контексты имеют общую структуру, которую можно обозначить как «список и его элементы»: судьба отдельного человека определяется наличием или отсутствием его имени (элемента) в небесном списке, принадлежащем Богу. Являясь предвечным и неизменным с позиции Божественного всеведения (Пс. 139:16), как и древневосточная «таблица судеб», небесный «текст» может быть изменен его Автором, что выражается глаголами *write down / blot out*: *blot me, I pray thee, out of thy Book, which thou hast written* (Исх. 32:32-33).

В разделе 2.2 «Божественная 'книга жизни' как часть англоязычной поэтической картины мира» рассматривается функционирование метафоры LIFE AS A DIVINE GIFT IS A TEXT (ЖИЗНЬ / СУДЬБА КАК БОЖЕСТВЕННЫЙ ДАР = ТЕКСТ) в английской поэтической традиции. В поэзии XVI-начала XVII в.в. библейская схема сохраняется, допуская определенную лексическую вариативность: *My name be blotted from the book of life* (У. Шекспир, *Richard II*, около 1595), *Tis in heaven's book / Set down that I must have thee* (Т. Миддлтон, Т. Деккер, *The Roaring Girle*, 1607 – 1610). Как правило, изменению подвергается компонент, обозначающий авторство или содержание текста, в то время как материальный носитель чаще описывается в согласии с библейскими примерами (*book*). Может заменяться автор «небесной книги», что приводит к возникновению противоположного варианта - «книга дьявола»: *thou thinkest me as far in the devil's book as thou and Falstaff* (У. Шекспир, *Henry IV, Part 2*, 1596-1599). Подобная структура отсутствует в Библии, однако обнаруживается в античной литературе (например, в III-II вв. до н.э. у Плавта). Также возможно изменение правого элемента конструкции с *of*, сохраняющее схему «внесение в список / вычеркивание из него», но заменяющее «судьбу» другими понятиями: *Is from the book of honour razéd quite* (Sonnet 25 (до 1609 г.)), *Do you set down your name in the scroll of youth...?* (У. Шекспир, *Henry IV Part 2*), *One writ with me in sour misfortune's book* (У. Шекспир,

Romeo and Juliet, 1591–1595). Так на основе библейской формулы *book of life* появляются «книга судьбы» и «книга времени»: *I will <...> raze th'eternal register of Time* (Т. Марло, Dido, Queen of Carthage, 1593), *O God! that one might read the book of fate* (У. Шекспир, Henry IV, Part 2). В целом схема метафоры остается стабильной; лексические изменения касаются в основном области цели, среди грамматических инноваций обращает на себя внимание распространение притяжательного падежа.

В поэзии XVII века в роли автора или владельца текста появляются персонифицированные фигуры Времени или Рока: *As Time one day by me did pass ... I ... spied his curious book*. (Г. Воэн, из сборника *Silex Scintillans*, опубл. 1650-1655). Как правило, религиозные коннотации сохраняются, как и прямое обращение к религиозной тематике. Библейская формула *book of life* окончательно уступает место сформировавшейся в предыдущем столетии *book of fate*: *The sacred dictates were already passed: / And open laid the mighty book of fate* (Афра Бенн, On the death of our late sovereign, 1685), *Good Heav'n, thy Book of Fate before me lay, But to tear out the Journal of this day* (Дж. Драйден, The Conquest of Granada, опубл. 1672). Разработка метафоры осуществляется в основном за счет конкретизации области источника с содержательной стороны (*dictates* = распоряжения) и дополнительных видов метафорического «текста» (*journal* в значении отдельной дневниковой записи), которым соответствуют ранее не использовавшиеся лексемы.

В следующем столетии образ «книги судьбы» воспринимается как достаточно устойчивый. Детализация области источника сопровождается бытовой и терминологической лексикой, дополняющей библейскую: *unclasp the pocket-book of Fate* (Дж. Уильямс (псевд. Энтони Пасквин), *Shrove Tuesday, a satiric rhapsody*, 1791), *A double pica in the book of fame* (Т. Чаттертон, *The Art of Puffing*, опубл. 1789). Частичное обращение к традиционной лексике может сочетаться с отменой религиозных коннотаций и переходом структурно узнаваемой модели — например, «книга праведников / грешников» - в светскую область: *I'll list you in the harmless roll / Of those that sing of these poor eyes* (А. Поуп, 1739).

К началу XIX века метафора *LIFE AS A DIVINE GIFT IS A TEXT* превращается в устойчивый элемент литературной традиции. В произведениях религиозного или мифологического содержания классическая схема в основном сохраняется, появляется склонность к частичной утрате метафоричности: *And saw, within the moonlight in his room ... An angel writing in a book of gold* (Л. Хант, *Abou Ben Adhem*, 1838), *the count / Of mighty Poets is made up; the scroll / Is folded by the Muses; the bright roll / Is in Apollo's hand* (Дж. Китс, *Endymion*, 1818). Вероятно, тесная связь метафоры с религиозным дискурсом предопределила скорое исчерпание ее потенциала и невозможность полноценного развития в светской поэзии второй половины XIX-XX в., где она практически сходит на нет и сохраняется только в непрофессиональной поэзии, а также в массовой культуре (компьютерных играх, комиксах и т.д.).

Глава 3 «Концептуальная метафора LIFE OF AN INDIVIDUAL PERSON IS A TEXT в англоязычной поэтической традиции» посвящена выявлению источников и функционированию данной метафоры в поэтических текстах. В двух библейских стихах, с наибольшей вероятностью содержащих прототип для этой аналогии, отражены основные отличия от предшествующей. В отличие от предначертанной свыше судьбы, «книга» отдельной человеческой жизни изменяется в соответствии с поступками живущих и содержит их перечень: *and the books were opened: and another book was opened, which is [the book] of life: and the dead were judged out of those things which*

were written in the books (Откр. 20:12). Другой пример демонстрирует протяженность и последовательность зафиксированной в небесных анналах истории жизни: *Thine eyes did see my substance yet being unperfect, and in thy book all my members were written, which in continuance were fashioned: when as yet there was none of them* (Пс. 139:16). По сравнению с Библией короля Иакова ранние переводы более отчетливо демонстрируют последовательность постепенно разворачивающейся жизни, делимой на отдельные дни, тем самым акцентируя не пространственно-телесную, а временную составляющую: *in thy booke were written euery day of them [wherin the partes of my body] were shaped, and no one of them were knowen vnto thee* (Bishops' Bible), *in thy boke were all my membres written. Which dave by dave were fashyoned, when as yet there was none of them* (Great Bible).

В отличие от рассмотренной ранее метафоры, LIFE OF AN INDIVIDUAL PERSON IS A TEXT (ЖИЗНЬ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА = ТЕКСТ) не разрабатывается детально до XVII в., хотя отдельные реализации встречаются уже в среднеанглийской поэзии. Так, в средневековой литературе формируется противопоставление двух «книг», содержащих запись грехов и добрых дел, соответственно: *Oure werkes are wretyn in [read: and] scorde, / In a role of recorde; Here a roll of ragman of the rownde tabill / Of breffes in my bag, man, of synnes dampnabill* (анонимно, The Towneley Plays, до 1576). В литературе XVI в. метафора не выражена однозначно. Можно выделить только ряд потенциально значимых примеров, подчеркивающих временную протяженность «книги жизни» и ее членимость на отдельные этапы - в частности, знаменитый монолог Макбета, выстраивающий аналогию не только с письменной, но и с устной речью: *Creeps in this petty pace from day to day, / To the last syllable of recorded time... It is a tale / Told by an idiot* (У. Шекспир, Macbeth, 1606).

Столетием позже аналогия LIFE OF AN INDIVIDUAL PERSON IS A TEXT впервые получает достаточно подробную разработку в произведениях Джона Драйдена. Связь с метафорой LIFE AS A DIVINE GIFT IS A TEXT сохраняется, однако для изучаемой метафоры характерно изображение жизни как динамичного, постепенно разворачивающегося процесса, а не статичного и навсегда определенного факта, ее разделение на возрасты и этапы (pages, leaves): *He who could view the book of destiny, / And read whatever there was writ of thee, / O charming youth, in the first opening page ... Would wonder, when he turn'd the volume o'er, / And after some few leaves should find no more, / Nought but a blank remain* (Дж. Драйден, On the Death of a Very Young Gentleman, 1704). Особое внимание уделяется структуре жизни как хорошо спланированного целого (volume), имеющего однозначно отмеченную отправную точку (first opening page).

Чуть большее количество примеров обнаруживается в XVIII веке. Несмотря на внимание к отдельным человеческим действиям, вмешательство и частичное авторство высшей силы сохраняется: *One who writes Finis to our works / Is knocking at the gate* (Э. Юнг, Resignation, 1762), *Heaven writes / Its awful meaning, plain in human deeds, / And language leaves to man* (Э. Юнг, The Brothers, 1753), *a book / By seraphs writ with beams of heav'nly light, / A chronicle of actions just and bright! / There all thy deeds, my faithful Mary, shine* (У. Купер, Sonnet to Mrs. Unwin, 1793). Уточнение авторства «хроники жизни» (by seraphs writ) является новаторской для новоанглийской поэзии, хотя в средневековой словесности эта линия была разработана довольно детально: *Alle þat we do Iangle, þe fende doþe wryte, / And shal shewe hyt before oure face / whan hys rolle ys broght yn place* (Handlyng Synne, XIV в.), *The fendes redy my rolle to rede, / The countretayle to shewe, the score,*

/ *The leste steppe that euere y Zede* (The Lessouns of the Dirige, XV в.). Разумеется, прямая приемственность в данном случае маловероятна.

Представление о высшей силе как «хронисте», историке, сохраняется в XIX веке, но христианский контекст может сильно модифицироваться. В хронике высших сил фиксируются не только непосредственные поступки, но и слова, способные в свою очередь определить судьбу: *Shall I revoke this curse? Go, bid her come, / Before my words are chronicled in Heaven* (П.Б. Шелли, The Cenci, 1819). Возможно и представление о жизни как о последовательности испытаний, предписанной свыше: *It matters not how... charged with punishments the scroll* (У.Э. Хенли, Invictus, 1875). Впервые за три века рассматриваемая метафора получает фиксированное (или, по крайней мере, наиболее частотное) языковое выражение с использованием притяжательного падежа - life's book: *Life's book for Thee may lie unclosed* (У. Вордсворт, Liberty, 1829), *Who vexes all the leaves of his life's book* (Дж. Китс, On Fame, 1819). Окончательно складывается концептуальная структура, ориентированная на чтение или написание «текста жизни» как единого повествования, визуально или содержательно разделенного на последовательные части (главы, страницы, листы). Утверждается намеченная в XVII-XVIII вв. тенденция выделять начало и конец «текста». Несмотря на высокую детализацию метафоры в отдельных текстах, как правило, со второй половины XIX в. наиболее подробная разработка с максимальным количеством слотов и богатым языковым выражением наблюдается в поэзии авторов второго ряда и любительской литературе. К XX веку продуктивность метафоры в профессиональной поэзии снижается, формируются сокращенные клише, включаемые в текст без дальнейшего развития (*when my story is done my fame shall spring up and laugh* - У.Б. Йейтс, The Green Helmet, 1910).

В Главе 4 «Восприятие человека как «текста» в произведениях английских поэтов» проанализирована концептуальная метафора HUMAN BEING IS A TEXT (ЧЕЛОВЕК = ТЕКСТ). Ее главным библейским источником является ранее рассматривавшийся стих Пс. 139:16: *in thy book all my members were written*. На его основе формируется аналогия «human body is a text (тело человека=текст)» (раздел 4.1 «Тело человека как область цели в «текстовых» метафорах»), в то время как нематериальная составляющая (душа, чувства, разум) практически не упоминается, за исключением отсылки к эмоциональному состоянию в Пс. 56:8: *put thou my tears into thy bottle: are they not in thy book?* Вероятно, дальнейшее обращение к самому человеку, а не его земным деяниям или бессмертной душе, происходит благодаря влиянию приведенных выше примеров, а также примеров, которые восходят к аналогии LIFE AS A DIVINE GIFT IS A TEXT и метонимически представляют не имя человека как записанное в «небесной книге», а его самого: *blot me, I pray thee, out of thy Book* (Исх. 32:32), *church of the firstborn, which are written in heaven* (Евр. 12:23).

Ренессансный антропоцентризм и ключевая роль письменных текстов в период становления национального языка и литературы, а также системы светского образования создали благоприятные условия для разработки данной аналогии. Тело человека в основном рассматривается как совокупность физических черт без уточнения «содержания» (чувств и мыслей их обладателя). Созерцание прекрасной внешности концептуализируется как чтение или обучение, в особенности если красота рождает любовь в сердце смотрящего: *Read o'er the volume of young Paris' face, / And find delight writ there with beauty's pen* (У. Шекспир, Romeo and Juliet, 1591–1595), *I shall read thy deservings in her eyes ... eternal books of pleasure / To show you all delight* (Т.

Миддлтон, *The Second Maiden's Tragedy*, 1611). В большинстве случаев метафора включается в романтический или эротический контекст: если объектом метафоризации является не лицо, а тело (обычно женское), чтение ассоциируется с одеванием или обнажением — и, как следствие, с любовными победами: *like books gay coverings made / For lay-men, are all women thus array'd; / Themselves are mystick books, which only wee ... / Must see reveal'd.* (Дж. Донн, *Elegy XX (To His Mistress Going To Bed)*, между 1593-1615); *Of what volume is this book, that I may fit a cover [=dress] to't?* (Т. Миддлтон, *Your Five Gallants*, 1607); *Because thou 'rt deeply read in most books else / Thou would'st be so in mine [Pointing to Widow] ... Turn over the leaves* (Т. Миддлтон, *No Wit, No Help Like a Woman's*, 1611).

Для «телесного» варианта метафоры характерна высокая детализация, разнообразие лексики, относящейся к физической составляющей книги (*volume, cover / covering, leaves, clasps*), а также к науке и книжному знанию в целом (*doctrine, scholar*). Эмоциональный аспект детализирован меньше, как видно из раздела 4.2 «Представление о внутреннем мире человека как о «тексте», в котором основное внимание уделяется аналогии «inner world is a text (внутренний мир человека = текст)». Языковое выражение этого варианта метафоры сводится к нескольким лексемам, количество слотов ограничено. Наиболее популярен мотив внешнего проявления чувств и мыслей, позволяющего «прочитать» собеседника, как книгу: *Your face, my thane, is as a book where men / May read strange matters* (У. Шекспир, *Macbeth*, 1606), *Therefore even as an index to a book / So to his mind was young Leander's look* (Т. Марло, *Hero and Leander*, 1598). Концептуализация внутреннего мира в отрыве от внешности встречается редко и в основном ориентирована на «книгу чувств», а не «книгу разума», хотя последний вариант потенциально допустим: *I will no longer study in the book / Of another's heart* (Дж. Вебстер, *The Dutchess of Malfi*, 1612-13), *He knows the volume which thy heart contains. / Christ skips thy faults, only thy virtue reads* (Т. Миддлтон, *The Wisdom of Solomon Paraphrased*, опублик. 1597); ср. *In her brain's table-book she hath the sum* (там же).

Изобилие примеров в XVI - начале XVII вв. контрастирует с почти полным их исчезновением к середине XVII в.. Существующие концептуальные схемы сохраняются, как и ключевые лексемы, хотя образ может изменяться благодаря контексту: *With art as strange as Homer in the nut, / Love in my heart has volumes put* (А. Каули, *The Tree*, опублик. 1656). В XVIII в. метафора возвращается в поэзию, причем психологический аспект постепенно начинает преобладать над телесным. К постижению чувств и мыслей других людей добавляется самопознание, и в качестве книги представляется внутренний мир самого лирического субъекта: *near you lies / A book, perhaps, yet unperused ... Of self-perusal - science rare! - / Few know the mighty gain ... A revelation personal, / Which none can read but you* (Э. Юнг, *Resignation*, 1762). Из способа получить эстетическое наслаждение или угадать мысли собеседника «чтение» внешности превращается в одно из условий социального успеха: *Can read a nod, a shrug, a look, / Far better than a printed book; / Convey a libel in a frown, / And wink a reputation down* (Дж. Свифт, *The Journal of a Modern Lady*, 1729).

В то время как метафора LIFE AS A DIVINE GIFT IS A TEXT начала оформляться устойчивой лексико-грамматической формулой еще в Библии, для аналогии HUMAN BEING IS A TEXT таких формул не находится в течение нескольких веков. Вплоть до XVIII в. одновременно с типичными для большинства «текстовых» аналогий конструкциями (*book of beauty / love /*

pleasure) метафора выражается сравнением или противопоставлением: *read a nod, a shrug, a look, Far better than a printed book; Men may be read, as well as books, too much* (А. Поуп, *Moral Essays*, Epistle I, 1734), ср.: *as an index to a book / So to his mind was young Leander's look; Your face, my thane, is as a book* (XVI-XVII в.). В XIX в. дистанция между целью и источником на языковом уровне сохраняется, находя выражение в сравнительных конструкциях или глаголах, подчеркивающих нетождественность сопоставляемого: *My mind became a book through which I grew / Wise in all human wisdom* (П.Б. Шелли, *The Revolt of Islam*, 1817). Аналогия «тело человека=текст» утрачивает продуктивность, сводясь к нескольким фиксированным лексическим единицам (read, write; looks, eyes, brow) и минимальному числу элементов аналогии, которой отводится две-три строки (в то время как в ренессансной поэзии телесная метафора могла становиться тематическим центром строфы или драматического монолога): *lift / Thine eyes, that I may read his written soul!* (П.Б. Шелли, *Prometheus Unbound*, 1818-20), *My only books / Were woman's looks, / And folly's all they've taught me* (Т. Мур, *The time I've lost in wooing*, 1807).

Глава 5 «Концептуальная метафора NATURE IS A TEXT и ее репрезентация в англоязычной поэзии» посвящена метафоре, являющейся одной из наиболее распространенных в европейской традиции. В отличие от рассмотренных ранее метафор, она лишена однозначно оформленного библейского прототипа. Ее концептуальной основой предположительно является присутствующий в Псалтири мотив «речи» небес, причем последние благодаря упоминанию солнца могут быть интерпретированы в конкретно-чувственном, а не метафизическом плане: *The heavens declare the glory of God: and the firmament sheweth his handywork. Day unto day uttereth speech, and night unto night sheweth knowledge. There is no speech nor language, where their voice is not heard. Their line is gone out through all the earth, and their words to the end of the world: In them hath he set a tabernacle for the Sun* (Пс. 19:1-4). В отличие от метафор, приведенных ранее, аналогия NATURE IS A TEXT (ПРИРОДА = ТЕКСТ) показывает метафорический «текст» не только письменным, но и устным (uttereth speech; voice, heard). Еще более конкретный образ неба создается в Книге пророка Исайи, где небесная твердь представлена динамично — в виде сворачивающегося свитка: *And all the host of heaven shall be dissolved, and the heavens shall be rolled together as a scroll* (Ис. 34:4).

Данная аналогия получила широкое распространение в средневековой христианской словесности, как латинской, так и греческой, с IX в. также включенной в западноевропейское культурное пространство благодаря переводам. Определяющим для истории метафоры шагом можно считать создание в III в. блаженным Августином Аврелием теории «двух книг» Творца — Священного Писания и книги природы (*liber naturae*), каждая из которых может привести внимательного читателя к постижению божественной истины¹⁰. Детальное описание книги природы завершает Гуго Сен-Викторский в XIII в., точно выделяя механизм переноса: поскольку все элементы окружающего мира являются знаками письменности, его познание может быть представлено как чтение¹¹.

В среднеанглийских текстах конкретные элементы «книжной» метафоры отсутствуют, хотя

¹⁰ См. Augustini Confessionum – The Latin Library [Электронный ресурс]. – URL: www.thelatinlibrary.com/augustine/conf13.shtml. (Дата обращения: 11.09.2019)

¹¹ См. Mandelbrote S. *Nature and Scripture in the Abrahamic Religions: Up to 1700* / S. Mandelbrote. – Leiden and Boston: Brill, 2008 – 362 p.

образ Природы-наставницы, чья наука противопоставлена духовным наставлениям Церкви, встречается достаточно рано: *Sche which is Maistresse / In kinde and techeth every lif / Withoute lawe positif.. Nature, tok hem into lore / And tawht hem* (Gower J. Confessio Amantis, or Tales of the Seven Deadly Sins, 1386-1390). В поэзии Ренессанса метафора представлена скупой. Языковое выражение ограничивается несколькими единицами, причем за «текстом природы» закрепляется лексема book: *Who will in fairest book of Nature know / How Virtue may best lodg'd beauty be* (Ф. Сидни, Astrophel and Stella, 1580-е гг.), *In Nature's infinite book of secrecy A little I can read*. (У. Шекспир, Anthony and Cleopatra, 1606-07). Разработка метафоры происходит в основном за счет добавления эпитета к конструкции с притяжательным падежом или предлогом of: Nature's infinite book of secrecy, fairest book of Nature. Образ включает в себя только содержательную составляющую: физическое измерение книги (страницы, строки и т.д.) не рассматривается.

Более полного развития метафора достигает в следующем, XVII столетии, обогащаясь слотом «материальные составляющие текста» - в первую очередь знаки письма (characters): *all kind Nature's characters appear* (А. Каули, Written in Juice of Lemon, 1647), *if I read aught in heav'n, / Or heav'n write aught of fate, by what the stars / Voluminous, or single characters* (Дж. Мильтон, Paradise Lost, 1655). Среди реальных природных объектов преобладает небо, представляемое как страница книги с нанесенными на нее знаками: *in night's gloomy page / One silent star may interline* (Г. Воэн, White Sunday, 1655). Одновременно усиливается мотив «трудного текста», требующего усилий для понимания. Как и в Библии, заключенное в природе тайное знание может передаваться человеку устно, посредством чтения вслух: *O that man could do so! That he would hear / The world read to him! ... lectures to his eye and ear* (Г. Воэн, The Tempest, 1650).

Очевидно, христианский источник метафоры все еще осознается большинством авторов, поскольку в большинстве стихотворений присутствует религиозный контекст — от аллюзий до прямых цитат (включая сам выбор религиозной тематики стихотворения). Тематическая конвенциональность не исключает вариативности: например, возможно объединение нескольких библейских цитат - *the third day's volume of the book* (А. Каули, The Garden, 1666): «третий том» и «третий день творения» соединяются с использованием другой библейской формулы, volume of the book (ср. Пс.40:7-8 - *In the volume of the book it is written of me*). Благодаря узнаваемости метафоры становится возможным ее зеркальное отражение: сравнение буквального текста с «книгой природы» и формирование перевернутой модели TEXT IS NATURE: *The plants arise up by degrees, / A sudden paint adorns the trees, / And all kind Nature's characters appear. / So, nothing yet in thee is seen; / But when a genial heat warms thee within, / A new-born wood of various lines there grows* (А. Каули, Written in Juice of Lemon, 1647).

В XVIII веке все отмеченные особенности сохраняются, однако идея труднодоступности «книги природы» отступает на второй план, сменяясь утверждением рациональной познаваемости мира. В ближайшем контексте метафоры нередко появляется другая оппозиция: СВЕТ = ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ, ТЬМА = ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ, воплощающая как христианское противопоставление света и тьмы, так и идеал Просвещения (Enlightenment). На языковом уровне ее могут выражать лексемы со значением интеллектуального действия или характеристики (read; clear), а также источников света, необходимых для чтения (lamp, light): *So reads he nature, whom the lamp of truth / Illuminates* (У. Купер, The Task, 1785), *My soul, which reads His hand as clear ... / As in His ample manuscript / Of sun, and moon, and stars* (Э. Юнг, Resignation, 1762), *The just Creator*

condescends to write, / In beams of inextinguishable light, / His names of wisdom, goodness, power, and love / On all that blooms below, or shines above (У. Купер, Hope, 1781). Внешние атрибуты «книги природы» не уточняются либо являются второстепенными по отношению к извлекаемой информации.

Конструкция с предлогом of постепенно сменяется притяжательным падежом, возможно, указывая на отказ от библейских моделей (ср. book of the living, book of life); название источника (book, scroll) часто опускается. Несмотря на упоминание божественного Автора во многих текстах, в фокусе внимания может оказываться читатель, а сама «книга природы» утрачивает сакральность. Из способа постижения священной мудрости «чтение» превращается в приобретение житейского опыта: *But little had she read in Nature's book, / That fools assume a philosophic look* (Т. Чаттертон, Happiness, 1780), *Think frequently, think close, read Nature, turn / Men's manners o'er, and half your volumes burn* (Э. Юнг, Epistle II from Oxford, 1730).

Читатель остается ключевой фигурой и в следующем, XIX столетии. Его задача усложняется, поскольку содержание «книги природы» становится непредсказуемым и не всегда связано с божественной истиной. Соответственно, на первый план может выходить усилие, необходимое для чтения, или сам акт дешифровки: *pore on Nature's universal scroll / Even to swooning* (Дж. Китс, Hyperion, 1818-19), *All are written to me, and I must get what the writing means* (У. Уитмен, Song of Myself, 1855). Появляется возможность воздействовать на «книгу природы», в том числе физически: *Intruders who would tear from Nature's book / This precious leaf with harsh impiety* (У. Вордсворт, Admonition, 1842). Формула nature's book окончательно фиксируется в качестве клише. Наконец, допускается ироническое снижение образа за счет его конкретизации и превращения «книги природы» в один из множества обыденных текстов: *there is first the God in heaven above, / Who wrote a book called Nature, 'tis to be / Reviewed, I hear, in the next Quarterly* (П.Б. Шелли, Passages of the Poem, Or Connected Therewith, около 1820).

Классической, глобальной схеме «Природа (Вселенная) в целом как текст» противопоставлено сужение области цели до отдельных природных объектов, растений и элементов ландшафта, естественных или рукотворных: *ocean, glorious page of Nature's book* (Дж. Крэбб, The Borough, 1810), *The meek eyed violet ... seems the page in nature's book, / That breathes of perfect modesty* (автор неизв., опублик. в Southern Rose Bud, 1834). Эта же тенденция характерна для поэзии XX в., ориентированной на детализацию и обогащение языкового выражения новыми лексемами. Связь с религиозной традицией не утрачивается, но выходит за пределы христианского дискурса: *When the gnats dance at evening they write ... Shuffling their dumb Cabala* (Т. Хьюз, Gnat-Psalm, 1967). Проекция текста на пейзаж в целом и его отдельные составляющие могут сочетаться в рамках одного стихотворения: *And littered lettering of leaves and hills and houses closed, and we can use / The open book of landscape no more* (Д.Г. Лоуренс, The Red Moon-Rise, 1910).

В Главе 6 «'Text' как материальный объект и отражение его эволюции в поэзии» «текст», фигурирующий в проанализированных аналогиях, рассматривается как конкретный материальный объект. Метафорический «текст» имеет два аспекта: физический (материальный носитель) и информационный (содержание и структура «повествования»).

В разделе 6.1 «Материальный носитель 'текста'» проанализированы типы материальных носителей, характерных для метафорических «текстов». Поскольку наиболее ранние образы,

связанные с письменностью, относятся к цивилизациям Междуречья, в дошедших до нас памятниках текст представлен как начертанный на камне, глине или кирпиче. Знаки выдавливаются на мягкой поверхности или вырезаются на твердой. Кроме собственно написания и прочтения текста, большое значение имеет обладание самим материальным носителем, его ношение, а также нанесение личной печати.

Библейский образ текста как предмета претерпел изменения при переводе сперва на греческий и латынь, а затем на европейские языки. Наиболее распространенным материалом письма для семитских народов являлся свиток, обозначавшийся тем же словом, что и письменный текст в принципе. Для английского читателя XVI-XVII вв. привычна книга как собрание сшитых и переплетенных листов. При этом прототипической «книгой» являлась сама Библия: до выхода общедоступного перевода рукописные или печатные издания имелись не в каждом доме, однако каждый прихожанин имел возможность увидеть Книгу во время богослужения. В английском переводе образ свитка не утрачивается: напротив, по сравнению с латинской Библией (Вульгатой), использовавшей для всех «книг» общее существительное *liber*, выделяются две отдельные лексемы — *book* и *scroll*. Однако поскольку свиток, в отличие от книги, перестал являться частью быта, обращение к лексеме *scroll* маркирует следование книжной традиции, в то время как для *book* допустима и литературная, и бытовая мотивация. Это приводит к постепенной замене в поэзии *scroll* на *book* с сохранением *scroll* как маркера религиозного дискурса — например, в переработанных библейских фрагментах: *The wide-stretch'd scroll of heaven ... Shall crackle, and the parts together shrink / Like parchment in a fire* (А. Каули, The 34 Chapter of Prophet Isaiah from Pindaric Odes, опубл. 1656).

Типом материального носителя определяется способ записи: «плоскостной» (см. библейское *written*), при котором текст наносится на поверхность материала, или «объемный» (там же: *graven*), предполагающий нарушение целостности последнего. Текст, созданный первым способом, может быть уничтожен (*blotted out*, *rased*), второй же остается навсегда (*writ in adamant*). Среди инструментов письма могут быть как буквальные (*pen*), так и метафорические — например, Божественный свет (*writ with beams of heav'nly light*; *write / In beams of inextinguishable light*).

Для каждой лексемы со значением материального источника характерна своя лексико-грамматическая модель. Наибольшую структурированность демонстрирует слово *book*, склонное входить в устойчивые сочетания в качестве как левого (*book of life / honour / fate*), так и правого (*volume of the book, life's / devil's / heaven's / Nature's book*) компонента. В те же сочетания может включаться *page* как одна из составляющих *book* (*life's page / page of fame*), в то время как для *roll / scroll* характерно предпочтение конструкций с предлогом *of* (*roll of common men / honour; scroll of fate*).

Раздел 6.2 «Действия, производимые над 'текстом' как материальным объектом» посвящен действиям, осуществляемым над различными материальными носителями «текста» в Библии и в поэзии. В Библии для метафорических и буквальных «текстов» характерны одни и те же действия. Можно выделить четыре типа: физические неинформационные (обладание и хранение, перенос / передача, уничтожение, восстановление, изменение структуры носителя — разрывание, форматирование и др.), физические информационные (раскрытие и закрытие, перелистывание — последовательное или с обращением к оглавлению), нефизические информационные (собственно чтение и все связанные с ним ментальные операции: подробное

изучение, запоминание, дешифровка) и нефизические неинформационные (поклонение тексту). В дальнейшем все четыре типа сохраняются, распределяясь по различным носителям. «Свиток» характеризуется по степени разворачивания (*longer, wide-stretched, folded, smoothed out*), «книга» же допускает более разнообразные действия: «страницы» можно «перелистывать» (*turn over*), «застежки» переплета — расстегивать (*unclasp*), по «оглавлению» догадываться о «содержании» (*...as an index to a book, / So to his mind was young Leander's look*).

Среди неинформационных действий наиболее интересно запечатывание (наложение печати), в древневосточной словесности обозначающее неизменность текста в связи с авторитетом владельца, а в Ветхом и Новом Завете символизирующее недоступность знания. Характерный для Библии мотив изменения текста, находящегося в процессе становления вплоть до Страшного Суда, в шумерской мифологии не встречается, а в англоязычной поэзии Нового времени является ключевым. С превращением книги в элемент обихода в связи с появлением книгопечатания формируется новая группа физических неинформационных действий: издание в определенном типографском формате (*neither in folio nor in decimo sexto, but in octavo; double pica; less volume*) и переплетение. Наложению и нарушению печати применительно к книге соответствует открытие или закрытие застежек (*clasps*), а также неоднократное открывание и перелистывание.

Предметом Главы 7 «'Text' в составе концептуальных метафор как элемент поэтического 'коммуникативного акта'» является роль «текста» в метафорическом «коммуникативном акте», осуществляемом между его создателем (автором) и воспринимающим субъектом (читателем). Модификация слота «автор» может осуществляться двумя основными способами: заменой действующего лица или изменением действий, производимых автором над создаваемым «текстом». В большинстве случаев речь идет об авторстве письменного произведения, реже встречается автор-рассказчик: *the hurrying freshnesses aye preach / A natural sermon* — J. Keats, *Minnows*, 1817. В качестве промежуточного варианта выступает пересказчик (комментатор) уже существующего текста: *break thy glass, it hath perplexed / With a dark comment, beautie's clearest text, / It hath not told thy face's story true* (Т. Кэрю, *To A.D. Unreasonably Distrustful of Her Own Beauty*, опубл. 1640).

Учитывая, что среди значимых действий над материальным носителем текста могут быть и неинформационные (владение, ношение), отделение автора от владельца не всегда представляется возможным в наиболее древних текстах. Для месопотамской мифологии авторство и владение изначально разделены, и их взаимопроникновение начинается только в поздних памятниках. Античные греческие и римские тексты редко разделяют эти функции эксплицитно, однако при более высокой детализации воспроизводится та же модель, что и в шумерской мифологии: «второстепенное божество — автор, центральное божество — владелец». Естественно, для монотеистических религий такая конструкция невозможна, поэтому в Библии Господь Саваоф предстает одновременно автором (*blot me, I pray thee, out of thy Book, which thou hast written*) и владельцем «книги жизни» (*thy book*). Поскольку принадлежность текста его Автору очевидна, авторство может не указываться эксплицитно, выражаясь безличным предложением в значении универсального закона: *in the volume of the book it is written of me*.

Христианская модель может подразумеваться по умолчанию либо детализироваться или усложняться — например, за счет добавления дополнительных «авторов»: дьявола и его подручных (в среднеанглийской литературе: *te deouel ... enbreuet on his rolle*) или ангелов (*a book /*

By seraphs writ). Начиная с XVI в. роль автора способны исполнять другие существа, в том числе аллегорические фигуры. Это усложняет интерпретацию, поскольку, помимо неразличения автора и владельца, происходит грамматическое смешение двух вариантов конструкции с of: атрибутивной (тип текста] + of + [жанр / тип содержания]: ср. в Библии - book of life, book of the living) и посессивной ([тип текста] + of + [автор]: там же - book of the Lamb). В неоднозначной позиции могут выступать Любовь, Красота, Несчастье и другие персонифицированные понятия и состояния (*This precious book of love, this unbound lover.* – У. Шекспир, *Romeo and Juliet*, 1591–1595), однако к XIX в. атрибутивная интерпретация предположительно становится основной (*Though my name perish from the book of honour.* – Дж. Китс, *Otho the Great*, 1819).

Автором метафорического текста может являться и человек, создающий повествование собственной жизни в рамках метафоры LIFE OF AN INDIVIDUAL PERSON IS A TEXT или изменяющий текст души другого человека в контексте метафоры HUMAN BEING IS A TEXT: *God give me steady hand to write / Another chapter in life's book; you fear to read upon their looks / The shame and misery you have written there.* Допустимо множественное авторство, при котором «текст», начатый человеком, завершается другим участником, например, смертью: *One who writes Finis to our works*).

Наконец, в качестве авторов могут выступать отдельные элементы природы: природные явления (*the hurrying freshnesses; the rain, its secret writing* – Т. Hughes, *Bedtime Anecdote*, опубли. 1971), растения (*Every twig-end / Writes its circles* – Т. Hughes, *New Year exhilaration*, 1975), живые существа (*the gnats... Writing on the air, rubbing out everything*).

Роль **читателя** также разделяется на подтипы. В древних мифологических текстах «читатель», извлекающий информацию, и «чтец», озвучивающий ее для слушателя, не различаются. В Библии остается неуточненным способ чтения «текстов» судьбы, поскольку основное внимание уделяется информационной составляющей — возможности или невозможности прочесть написанное. Поскольку человек представляется как некомпетентный читатель, для которого Божественная мудрость закрыта, единственным истинным Читателем, как и Автором, вероятно, является Господь. В трудах средневековых отцов церкви выделяются две «читательских аудитории»: ангельская и человеческая. В поэзии наиболее широко представлена вторая, причем читательское внимание может быть направлено на различные типы «текстов» - книгу природы и Вселенной в целом или другое человеческое существо. Отношение «читателя» к прочитанному варьируется от настойчивого интереса (*Examine every married lineament; we with attention look; I must get what the writing means*) до нежелания и отказа (*you fear to read; tear from Nature's book / This precious leaf*). Как и в Библии, отмечается неумение или неспособность постичь прочитанное, а также отсутствие «читательского опыта»: *all the beauteous characters (...) by God's own sense were writ / (Whose eloquence, though we understand not, we admire); little had she read in Nature's book.* Целью «чтения» может быть постижение недоступных большинству тайн мироздания, познание собственной судьбы, получение ответа на вопрос или наслаждение от самого процесса чтения.

В роли читателя может выступать и Бог, читающий книгу поступков человека. Получив в свое распоряжение «книгу природы», человек предоставляет Творцу для чтения книгу своей жизни как список совершенных поступков, записанный им самим или небесным посредником. В отличие от земного читателя, к Читателю самого высокого уровня неприменимы такие

характеристики, как компетентность или степень мотивированности, зато достаточно подробно детализирован процесс чтения - прерывистый или избирательный (*a book (...) on which the eyes of God not rarely look; Christ skips thy faults, only thy virtues reads*).

На языковом уровне слоты «автор» и «читатель» заполняются редко (в отличие от слота «материальный носитель», требующего заполнения). Идентификация действующих лиц обычно опирается на глагол, описывающий ситуацию без прямого распределения ролей (read, write). Эта стратегия обусловлена предсказуемостью культурной традиции, в которой существуют прототипические фигуры «читателей» и «авторов».

Глава 8 «Концептуальные метафоры с областью источника TEXT в современной песенной и любительской поэзии» посвящена рассмотрению вышеперечисленных метафор с областью источника TEXT, а также дополнительно выделяемой для этого раздела аналогии LOVE IS A TEXT (ЛЮБОВЬ=ТЕКСТ). Последняя наиболее характерна для непрофессиональной поэзии XX-XXI вв., подразделяемой на две группы: оригинальные песенные тексты неакадемических жанров и произведения авторов-любителей, не принадлежащих к официальному литературному сообществу. Эта глава включает три раздела.

Раздел 8.1 «'Текстовые' концептуальные метафоры в песенной поэзии» начинается с рассмотрения одной из наиболее распространенных аналогий для этого жанра; LIFE OF AN INDIVIDUAL PERSON IS A TEXT. Как правило, жизнь человека концептуализируется в виде книги, разделенной на отдельные части — этапы жизни: стадии взросления, становления личности, начало и конец романтических отношений, а также определенный возраст. Концептуализация может опираться как на физические составляющие книги (страницы), так и на ее содержательную структуру (деление на главы). Особое внимание уделяется начальной и конечной точкам — последней главе или странице. Для языкового выражения наиболее характерны лексемы story и, реже, tale, однако присутствуют и образы, не связанные с традицией — бытовые и естественнонаучные: *I'm (...) flippin' through my life like a rolodex, Carrying our stories like DNA in hair follicles*. Автором и читателем «книги жизни» может быть не только сам человек, но также его спутники и возлюбленные, что является примером множественного авторства: *can you help me write the story of my life; together we can write our dedication in the story of our lives*.

В отличие от аналогии LIFE OF AN INDIVIDUAL PERSON IS A TEXT, метафора LIFE AS A DIVINE GIFT IS A TEXT требует религиозного контекста и, как следствие, реже встречается в популярных песнях и не получает детального развития. Целевая аудитория сужается, что позволяет использовать образы христианской традиции в практически неизменном виде и опираться на библейские аллюзии или цитирование. В соответствии с классической схемой человек может представать как некомпетентный автор, а Господь — как наставник и профессионал.

Для аналогии HUMAN BEING IS A TEXT наиболее характерен вариант «внутренний мир = текст», опирающийся на связь между эмоциями и чувствами («содержанием») и их внешним выражением («знаками текста»). В отличие от литературной традиции, внешность представляется не как сама книга, а как ее обложка — возможно, под влиянием фразеологизма *you can't judge a book by its cover: she read my face like the cover of a book*. Одновременное обращение к нескольким фразеологизмам может приводить к концептуальной неточности или усложнению, при котором одному концепту в области цели соответствует несколько слотов источника: *take a long, hard look*

at the cover of this book / And read between the lines. В то же время использование фразеологизма не всегда приводит к дальнейшей разработке метафоры: *What's that they told you / about a book and cover? / Don't judge so quickly; I look like a farmer but - I'm a lover! Can't judge a book by lookin' at the cover.*

Появление устойчивого выражения (to be an open book) усложняет метафорический перенос, в частности, приводя к совмещению двух «ролей» - автора и материального объекта: *She's writing a novel. / She's writing, she's weaving, / Conceiving a plot (автор); You think she's an open book (материальный носитель).*

Метафора NATURE IS A TEXT наименее популярна среди авторов песенных текстов. Как правило, она слабо детализирована и включает в себя не более двух слотов («автор / владелец», «составляющие материального носителя»). Первый слот не является обязательным и заполняется, если религиозная тематика заявлена открыто: *each new day is but a new page / In God's coloring book*. При этом используемая аналогия воспринимается как достаточно значимая или узнаваемая, чтобы быть вынесенной в заглавие песни (God's Coloring Book, Mother Nature's Writing), однако центральной метафорой самой песни не является.

Раздел 8.2 «Метафоры с областью источника TEXT в поэзии авторов-любителей» посвящен непрофессиональной письменной поэзии, для которой характерны многие вышеперечисленные закономерности, такие как разделение метафорической «книги» на составные части — главы и страницы (pages, chapters), ассоциируемые со сменяющимися друг друга этапами человеческой жизни, в том числе возрастными: *Sometimes waiting for another page (...) / each moment ready for another stage; Our life is like, an empty book / Each year, we print a page / The story, of our life we write*. Именно книга (book), печатная или рукописная, является наиболее распространенным материальным носителем. В отличие от песенных текстов, при обращении к метафоре LIFE OF AN INDIVIDUAL PERSON IS A TEXT на первый план выходят универсальные повествования о человеческом уделе, а не личные истории. Концептуализация человеческой жизни — наиболее популярной среди авторов-непрофессионалов области цели — как «текста» происходит за счет уточнения его материальной, визуально-графической составляющей: шрифта, цвета чернил (*The good we do, or love we share Is set in bright, bold print / Each wrong we've done, or didn't care / Is veiled, in light, grey tint; The letters are the deeds done throughout / Pens used are the attitudes of every action / Ink are colored variously*). Напротив, содержание текста практически никогда не уточняется (за редким исключением: the novel of our life). Человек выступает в роли автора или издателя, функция читателя не выражается эксплицитно.

Метафора HUMAN BEING IS A TEXT также присутствует в непрофессиональной поэзии, чаще всего в виде варианта «внутренний мир = текст». «Текст души / сердца» представляется как сокровенный и недоступный взгляду со стороны, что может выражаться условными конструкциями: *If your heart was a book / Open to every eye, / Would men find as they look / Your heart to be a lie?* Единственным читателем выступает Бог: *What's God gonna see / When he reads the book of your heart / (...) Is he gonna read it straight through?*

Метафора LIFE AS A DIVINE GIFT IS A TEXT реализуется в наиболее клишированном и сжатом виде, полностью опирающемся на традицию. Она встречается в небольшом числе стихотворений и ограничена рамками одной строки, не становясь центральной: *all things that beautiful are, Written inside a destined book; We were destined to play these roles - So it is written in*

the Book of Fate.

Концептуальная метафора NATURE IS A TEXT допускает высокую степень детализации в любительской поэзии в отличие от песенной. Содержанием «текста природы» могут являться музыкальная нотация, инструкции (recipe), некое неуточненное послание человеку (message) и, наконец, поэзия (poetry) с ее разнообразными жанрами, выразительными средствами и отличительными признаками (free verse, rhyme, ballad; metaphor, simile; stanzas, verses). В зависимости от типа «текста» реализуются различные действия: исполнение музыки с листа, чтение, корректировка текста и т.д. В частности, целью «чтения» может быть либо извлечение информации, либо наслаждение от самого «текста» - стихотворения Природы: *Sleep between the pages of departed poetry. For if the world is a book, I would want to read every page.*

В разделе 8.3 «Концептуальная метафора LOVE IS A TEXT в песенной и любительской поэзии» выделяется еще одна метафора, получившая здесь широкое распространение. Для непрофессиональной поэзии метафора менее характерна, чем для песенной, хотя способна подвергаться разработке и детализации. Так, уникален образ «книги без страниц», хотя в стихотворении автора-школьника он не является центральным и входит в ряд других перечислений: *Love is a book with no pages.* Сама аналогия «любовь — книга» воспринимается как принадлежащая традиции и допускающая ироничное обыгрывание: *Your «Book of Love» / has lost its bookends.*

В текстах песен структура ее языковой реализации в значительной степени совпадает с метафорой LIFE OF AN INDIVIDUAL PERSON IS A TEXT: «текст» так же делится на главы (этапы развития отношений), открываемые ежедневно: *Chapter One we didn't really get along / Chapter Two I think I fell in love with you (...) / But you were up to your old tricks in Chapters Four, Five and Six; everyday I write the book.* В отличие от метафор с другой областью цели, «любовные» метафоры подробно структурированы, и соответствие между источником и целью устанавливается достаточно однозначно. Материальным носителем практически всегда является традиционная бумажная книга, содержащая страницы и строки (*you turn the page; read between the lines*), организованные в абзацы и структурированные при помощи знаков препинания (*in four or five paragraphs; all your compliments and your cutting remarks / Are captured here in my quotation marks*). Могут упоминаться переплет, место хранения, орудия письма и даже объем и вес «книги»: *front to back, cover to cover / He's just leading your heart on; put it on the shelf / And start livin' for yourself; my pen and my electric typewriter; no one can lift the damn thing.* Перелистывание страниц или переход от одного элемента (главы, правила и т. д.) к другому соответствует развитию отношений, движущихся к своему завершению: *I'm turning pages once again; Time to close the book.*

Крайние точки «текста», его начало и конец, противопоставляются друг другу и практически всегда отмечаются: *first chapter / final chapter; preface / end; beginning / ending.* Как и для «текста жизни», для «текста любви» важна финальная точка. Однако в то время как «текст жизни» обычно рассматривается как находящийся в процессе становления, большинство романтических историй видятся как приближающиеся к завершению - захлопыванию книги (*time to close the book to this story*) или перелистыванию страницы. В качестве альтернативы может концептуализироваться период от первого знакомства до начала серьезных отношений: *I could write a preface / On how we met (...) / Then the world discovers / As my book ends / How to make two*

lovers of friends.

Как и большинство метафор, связанных с текстом, LOVE IS A TEXT сочетается с другими метафорами — в частности опирающимися на образ кинематографа или театра, а также игры в широком смысле: *How does this story end? I guess we'll have to wait until the final credits roll; All my life I've looked at love as a fairy tale / A woman a man never never land and a storybook ending / Leading roles and my heros upon the silver screen. Игра опирается на правила, соблюдаемые или нарушаемые: *Hate the way the game is played / How the rules are made; Weekend's comin' up let me see who's gonna play; Rule 5 gives exceptions to every rule / Rule 6 breaks it down and tells you like it is / That rules were meant to be broken*. Связь аналогий «любовь — игра» и «любовь = текст» обеспечивается за счет мотива знания, скрытого от непосвященных, в том числе правил игры: ... *all the rules / Knowledge not meant for mortal fools*. Глубина чувства может соотноситься с полнотой знания: *I'm thirsty for the knowledge true love brings; You knew everything from A to Z*.*

Проведенный анализ показал, что популярность концептуальных метафор с областью источника «text» в песенной и любительской поэзии не соответствует их текущему статусу в профессиональной литературе. Для песен характерно сочетание нескольких метафор с областью источника «текст» в одном контексте или использование дополнительных аналогий с другой областью источника. Традиционная схема достаточно активно обогащается современными бытовыми и научно-техническими реалиями. Напротив, в произведениях поэтов-непрофессионалов обычно присутствует одна центральная метафора, подвергающаяся высокой детализации. Концептуальная структура метафор в основном сохраняется в традиционном виде в обеих группах текстов, однако для языкового выражения в песнях характерна большая клишированность и идиоматичность. Тем не менее как в песенной, так и в любительской поэзии все рассматриваемые метафоры сохраняют продуктивность.

В **Заключении** подводятся итоги работы, обозначаются перспективы дальнейшего исследования и делаются следующие выводы:

1. Концептуальные метафоры, связанные с областью источника ТЕХТ, получили широкое распространение в английской и американской поэзии, являясь неотъемлемой частью англоязычной поэтической картины мира. Их популярность определяется совокупностью нескольких факторов: значимостью обозначаемых концептов области цели, высоким статусом текста как ключевого феномена европейской цивилизации, наличием культурно значимых, регулярно воспроизводимых и широко известных религиозных источников, содержащих прототипы метафор. Частота употребления конкретных метафор варьируется в зависимости от исторического периода.

2. Метафора LIFE AS A DIVINE GIFT IS A TEXT восходит к древневосточному образу «книги судьбы», получившему наиболее яркое выражение в Библии. В поэзии она впервые отмечается в XVI в. и постепенно угасает к середине XIX в., теряя продуктивность. В течение трех столетий активного развития метафора подвергается модификации за счет уточнения источника или замены цели, а на языковом уровне - использования посессива или атрибутивной конструкции (book of fate, scroll of youth, heaven's book, Heav'nly records). Эксплицитно или имплицитно выраженное действие - внесение или вычеркивание слова (имени) из текста - в большинстве случаев сохраняется.

3. Метафора LIFE OF AN INDIVIDUAL PERSON IS A TEXT, возможно, связана с

предыдущей, поскольку ее предполагаемые библейские источники разнородны, а прототипическое языковое выражение отсутствует и не формируется в дальнейшем, допуская варьирование. Наиболее известный пример ее использования («Макбет», V, 5, 19-28) принадлежит литературному канону, однако для своей исторической эпохи не характерен. Наибольшее число обращений к этой метафоре отмечается с XVIII в., к XX в. ее метафорический потенциал снижается.

4. Метафора HUMAN BEING IS A TEXT подразделяется на два варианта: «human body is a text» и «inner world is a text». Первый впервые отмечается в XVI в., быстро достигает максимальной разработанности (XVI - начало XVII в.) и к XIX в. уходит на второй план. Разветвленная концептуальная структура сужается до нескольких базовых слотов, уточняющих действие над текстом, материал и содержание. Вторая разновидность активно развивается в XVIII в., преобладая над предшествующей, но истощается к XX в. По мере утраты продуктивности метафора превращается из центральной в дополнительную в рамках одного произведения, ограничиваясь несколькими строками.

5. Метафора NATURE IS A TEXT полноценно формируется не в Библии, а в богословских трудах Средневековья (за исключением более конкретной реализации «небо = текст», обнаруживаемой в Ветхом Завете). Ее языковое выражение выстраивается на основе других библейских аналогий с областью источника «текст»; на концептуальном уровне выделяется информационная составляющая — знание, содержащееся в «тексте» мира и требующее определенных усилий по извлечению. Метафора достигает полноценного развития в XVII в. К XIX в. метафора начинает осознаваться как клишированная, но в XX в. восстанавливает свой потенциал за счет сужения области цели до отдельных природных объектов.

6. Частотность и степень разработанности метафор в классической, песенной и любительской поэзии различается. Потерявшие продуктивность в профессиональной литературе метафоры сохраняют ее в массовых жанрах, допуская высокую степень детализации и взаимодействие с другими метафорами. Здесь также получает широкое распространение метафора LOVE IS A TEXT.

7. Все концептуальные метафоры с областью источника TEXT включают несколько слотов: «автор», «читатель» и собственно «текст» с его материальной и содержательной составляющими. В качестве «авторов» и «читателей» в разных метафорах могут выступать Бог, сам человек (один или несколько), аллегорические фигуры, природа и природные объекты. Символические «тексты» различаются по степени доступности для читателя. Над ними могут производиться такие действия, как внесение элементов в «список» и их вычеркивание, редактирование, раскрытие / закрытие материального носителя в начале и конце чтения, а также физическое воздействие, в том числе уничтожение.

8. Структурные закономерности и лексико-грамматические модели языковой репрезентации могут заимствоваться и совпадать у различных метафор. Вероятно, группа концептуальных метафор с областью источника TEXT представляет собой не набор жестко отделенных друг от друга аналогий, но континуум с подвижными границами.

В трех **Приложениях** представлена дополнительная информация, касающаяся источников и развития рассматриваемых метафор. В **Приложении 1** приводится список лексем, принадлежащих семантическому полю «текста» в Библии, используемых как в прямом, так и в

переносном значении. **Приложение 2** посвящено историческим формам бытования библейского текста: способам передачи священного знания (устному, письменному или смешанным, а также некоторым невербальным формам) и изменению характера его аудитории. **Приложение 3** представляет отдельный случай обращения к метафоре LIFE AS A DIVINE GIFT IS A TEXT в устной традиции конца XIX – начала XX вв. (фольклор американских ковбоев).

Список литературы насчитывает 259 наименований на русском и английском языках, включая словари, справочные и электронные ресурсы.

Основные положения работы нашли свое отражение в 4 публикациях, опубликованных в изданиях, рекомендованных для защиты диссертации в МГУ имени М.В. Ломоносова.

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 10.02.04:

1. Алтухова О. И. Концептуальная метафора ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА-ТЕКСТ в английской и русской поэтической традиции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2018. — № 2. (Импакт-фактор РИНЦ 2020 – 0,170)
2. Алтухова О. И. 'Sermons in stones': концептуальная метафора ПРИРОДА - ТЕКСТ и ее языковое воплощение в английской поэзии XVI - XX вв // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2018. — № 1. (Импакт-фактор РИНЦ 2020 – 0,221)
3. Алтухова О. И. Концептуальные метафоры с областью источника ТЕКСТ в современной англоязычной песенной поэзии // Litera. — 2019. — № 4. — С. 43–50. (Импакт-фактор РИНЦ 2020 – 0,181)
4. Алтухова О. И. «Автор» и «читатель» как участники коммуникативного акта, моделируемого метафорами с областью источника «текст» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. — 2019. — № 09. — С. 112-116 (Импакт-фактор РИНЦ 2020 – 0,078).

Отпечатано в копи-центре « СТ ПРИНТ »
Москва, Ленинские горы, МГУ, 1 Гуманитарный корпус.
e-mail: globus9393338@yandex.ru тел.: 8 (495) 939-33-38
Тираж 100 экз. Подписано в печать 19.05.2022 г.

